

деле правильного овладения культурой прошлого, в деле выковывания четкого марксистско-ленинского мировоззрения.

Литературная консультация является одной из важнейших форм помощи начинающему писателю. Литконсультация должна стать подлинным живым помощником рабочего-ударника, а для этого необходимо в корне перестроить методы работы литературных консультаций. До сих пор литконсультации не только редакций и издательств, но и литературных организаций превращались в простую бюрократическую канцелярию, занимающуюся не воспитанием начинающего писателя, а простой отпиской. Не было ни учета тех кадров молодежи, с которыми ведет литконсультация работу, ни учета опыта работы литконсультаций, ни соответствующего кадра подготовленных литконсультантов. Вся работа литконсультаций шла самотеком, зачастую эту работу вели совершенно случайные люди.

С призывом ударника в литературу в корне должно быть изменено отношение к литконсультациям и в первую очередь должны быть в корне изменены методы работы литконсультации ГИХЛа, как центральной литконсультации.

Через литконсультацию ГИХЛа прохо-

дит в среднем 800—1000 рукописей в месяц. Одними индивидуальными письмами начинающему писателю (как бы они хороши ни были) мы ни в коем случае не разрешаем тех задач, которые стоят перед литконсультацией сегодня. Вот почему литконсультация ГИХЛа, уже теперь имеющая большой актив опытных литконсультантов, членов РАПП, ВОПКП и передовых рабочих-кружковцев, поставила перед правлением ГИХЛа вопрос о создании при литконсультации кабинета литударника и об издании ежемесячного журнала в помощь ударнику.

Задача кабинета литударника и задача журнала — огромны. На этих вопросах мы подробно остановимся в следующих номерах нашего бюллетеня, теперь же просьба ко всем читателям бюллетеня, ко всем местным АПП и литературным кружкам — вносить свои соображения и замечания по затронутым вопросам и помогать нам в этом сложнейшем деле.

Общими усилиями, огромным коллективом пролетарского литературного движения и работников художественной книги выкуем подлинных бойцов-ленинцев на фронте художественной литературы.

Творческая история „Цусимы“

В истории человечества с тех пор, как стали появляться на свете военные корабли, не мало было морских сражений. Но только три из них могут по своим грандиозным размерам и результатам сравняться с Цусимским. Первое, так называемое Саламинское сражение относится к далекой древности, к 480 году до нашей эры. Противники встретились в Саламинской бухте, около Пирея и Афин. Небольшой греческий флот под руководством Фемистокла уничтожил громадный персидский флот царя Ксеркса. Вторая морская битва произошла в средних веках, в 1571 году, при Лепанто, в Адриатическом море. Соединенный флот христианских государств под начальством Дон-Жуана Австрийского вдребезги разбил ко-

рабли сарацин и египтян. Третье подобное событие произошло в более позднюю эпоху, в 1805 году, около Гибралтарского пролива, у мыса Трафальгар. Здесь знаменитый адмирал Нельсон, оставшийся от предыдущих боев с одним глазом и одной рукой, командуя английским флотом, одержал блестящую победу над соединенным франко-испанским флотом, находившимся под начальством адмиралов Вильнева и Гравина. Оба эти адмирала, как и сам Нельсон, погибли, потеряв при этом девятнадцать кораблей и десять тысяч солдат и матросов.

Четвертое сражение имело место в дальневосточных водах при острове Цусима во время русско-японской войны, а именно — 14/27 мая 1905 года.

А. Новиков-Прибой в форме матроса

Оно также принадлежит к величайшим мировым событиям. Но об этом будет речь впереди — в моей книге «Цусима». А пока я расскажу, на основании какого материала построено это произведение и почему возникло оно спустя лишь двадцать пять лет после сражения.

В этом бою, исключительном по своей драматической насыщенности, я сам принимал участие, находясь в качестве матроса на броненосце «Орел». Неприятельские снаряды пощадили меня, и я попал в плен. Несколько дней мы пробыли в бараках одного японского порта, а потом нас перевезли на южный остров Киу-Сиу, в город Кумамота. Здесь, в лагере, расположенном на окраине города, мы были водворены на долгое время, до возвращения в Россию.

Я хорошо понимал всю важность события, происшедшего при Цусиме, и немедленно принялся заносить свои

личные впечатления о своем корабле на бумагу. Потом начал собирать материал о всей нашей эскадре. Но одному человеку справиться с такой огромной задачей было немыслимо. Я организовал вокруг себя человек пятнадцать наиболее развитых матросов, близких своих товарищей. Они с увлечением начали помогать мне. Большим удобством для нас являлось то, что в этом лагере были сосредоточены команды почти со всех судов, принимавших участие в Цусимском бою. Приступая к описанию какого-нибудь корабля, мы прежде всего интересовались, как была организована служба на нем, каковы сложились взаимоотношения между офицерами и нижними чинами, а потом уже собирали сведения о его роли в бою. Уже тогда многие боевые суда настолько были сложны и громадны, что люди одного отделения не всегда могли знать, что творится в другом. Поэтому нам пришлось, задавая участникам боя вопросы, расследовать каждую часть корабля отдельно. Что, например, происходило, начиная с утра 14 мая и до окончательной развязки, в боевой рубке, в башне такой-то, в каземате таком-то, в батарейной палубе, в минном отделении, в машине, кочегарке, в операционном пункте? Кто и что при этом говорил? Какие распоряжения исходили от начальства и как они исполнялись? Какова наружность отдельных личностей, их привычки и характер?.. Как некоторым представлялся бой, наблюдаемый с описываемого нами корабля? И так далее, включительно до незначительных мелочей.

Матросы охотно и откровенно рассказывали нам обо всем, ибо перед ними были такие же товарищи, как и они, а не официальная комиссия, составленная, как это было впоследствии, из адмиралов и офицеров при Главном морском штабе. Если кто-либо из допрашиваемых говорил неверно, то сейчас же другие участники боя вносили свои поправки. А потом некоторые матросы начали сами приносить мне свои тетради с описанием какого-нибудь отдельного эпизода. Таким образом через несколько месяцев у меня набралось рукописей о

Цусиме целый чемодан. Этот материал представлял собою чрезвычайную ценность. Можно смело утверждать, что ни об одном морском сражении не было собрано столько сведений, сколько мы собрали о Цусиме. Изучая подобный материал, я имел такое ясное представление о каждом корабле, как будто лично присутствовал на нем во время схватки с японцами. Нужно ли добавлять, что наши записи не были похожи на официальные описания этого знаменитого сражения.

Но случилось так, что вся наша работа погибла, погибла самым нелепым образом.

Об этом, несколько торжествуя, повествует артиллерийский офицер с броненосца «Ушаков», лейтенант Н. Дмитриев, в своих воспоминаниях «В плену у японцев», помещенных в журнале «Море» за 1908 год № 2. Правда, сам он находился в городе Сендае и поэтому не мог знать, что среди нас случилось. Но он приводит письма, полученные от своих нижних чинов из Куамота. В одном из таких писем унтер-офицер Филиппов говорит:

...«Люди из числа команды «Орла», «Бедового» и других сдавшихся кораблей стараются здесь возмутить пленных и нашли себе ярых сообщников и при помощи их стали распространять книги политического содержания и газеты с ложными слухами о России, а всего более стараются посеять вражду у команды к своим офицерам. К счастью, из числа пленных нашлись люди более благоразумные и предупредили их во-время, не дав распространиться этому злу.

9/22 ноября команда, выведенная из терпения их поступками, избила их агитаторов. Двое из них едва ли останутся живы, остальных же забрали японцы. Все их книги и записки предали огню, а также и машинку печатную обратили в лом» (стр. 72—73).

От себя я прибавлю, что сожгли мой материал не матросы, а солдаты, сагитированные на это одним казачьим офицером. Меня и двенадцать человек моих товарищей разъяренная толпа хотела растерзать. Мы едва спаслись, пробив себе дорогу ножами. За то, что мы убе-

жали из лагеря в город, японская полиция посадила нас в тюрьму.

Через месяц мы вернулись в лагерь. Я возобновил свою работу о Цусиме, восстанавливая погибший материал по памяти и путем допроса моряков. Опять помогали мне товарищи. Мы तोпились, однако собрать сведения обо всей эскадре уже было нельзя — кончался наш плен. Гибель многих кораблей осталась без обследования.

Я благополучно вернулся из плена в свое село Матвеевское и вывез весь материал.

Это была пора, когда революционные шквалы, возникая в столицах, неслись дальше, к глухим провинциальным городам и деревням. Само собой разумеется, что я тоже не оставался безучастным зрителем. А через несколько месяцев мне пришлось покинуть родные места надолго. Некоторое время я обретался в Петербурге, а потом, когда наступила жесточайшая реакция, уехал за границу.

Только в 1913 году я опять вернулся домой, где прожил несколько дней, никому из посторонних не показываясь.

Родной брат мой рассказал, как его мытарил полиция, то производя у него обыски, то приставая к нему с дознаниями относительно того, где я скрываюсь. Оставшиеся мои книги и письма он прятал в разных местах — в риге, в одонье, закапывал в землю. Он все разыскал мне, кроме самого главного, — материала о Цусиме. Забыл, куда спрятал. Это повергнуло меня в такое отчаяние, как будто я потерял родное детище.

Прошло еще несколько лет. Брат мой умер. Вместо него, вернувшись из Красной армии, остался в доме хозяйничать сын его, а мой племянник — Иван Сильвестрович.

С родными местами у меня осталась связь лишь та, что я почти каждый год во время охотничьего сезона бываю там на охоте. Это заменяет мне санаторий, укрепляет здоровье и дает массу новых наблюдений. Так было и в 1928 году. Вместе со мной поехали на весеннюю охоту писатели — Павел Низовой, Александр Перегудов, Петр Ширяев, и Леонид Завадовский. Недели две мы

Обложка худ. М. Доброковского

Я еще не читал найденного материала, но достаточно было только взглянуть на эти тетради, блокноты и листы бумаги с поблекшими чернилами, чтобы все то, что в них записано, начало воскресать в таинственных извилинах моего мозга. Прежним, уже заглушим впечатлениям был дан толчок, и они, всплывая из неведомой глубины памяти, немедленно пришли в движение, как на экране. Перед внутренним взором души с поразительной ясностью возникали жуткие картины Цусимского боя с такими деталями, о которых я давно забыл.

Вернувшись в Москву, я немедленно взялся за новую работу. Конечно, пришлось пользоваться не только своими записями, но и официальными документами, до революции находившимися под запретом. О Цусимском бое я перечитал все, что только было написано русскими и иностранными авторами, изучил показания, данные перед следственной комиссией адмиралами, офицерами и матросами, освоился с судебными процессами о сдаче некоторых наших кораблей в плен, познакомился и с японскими источниками. Нужно было разобраться во всем этом ворохе книг, документов и частных записей, сличить один материал с другим, чтобы отбросить из него тенденциозность и уловить правдивость. И все-таки самое главное, что руководило мною при создании данной книги, — это то, что я сам пережил Цусиму, видел все собственными глазами и сам испытал ужасы этой беспримерной трагедии.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

прожили в лесу, среди болот, а затем, перед возвращением в Москву, заехали в село Матвеевское, к моему племяннику. И вот в то время, когда мы только что кончили чай, Иван Сильверстович положил передо мною на столе несуразную продолговатую связку бумаг, перехваченных крест-накрест мочалкой. Он случайно нашел их в одном из колодных ульев, сложенных под сараем и совсем не употреблявшихся в дело.

Когда я развязал мочалку, радости моей не было границ. Нашлись все мои записи о Цусиме! Двадцать два года пропадали — и снова в моих руках!

Ударник-колхозник в литературе

По совхозам и колхозам прошел призыв ударников в пролетарско-колхозную литературу. Начинают работать кружки. Призывники начинают овладевать основами литературной грамоты. Но внутри издательства призыв «отразился» очень слабо.

По «Новинкам пролетарско-колхозной литературы» результаты призыва также еще не успели реально чем-нибудь выявиться. Но кое-что мы уже имеем. Литературный кружок Сычевского животноводческого района уже три

месяца работает над сборником, который будет составлен исключительно силами ударников, призванных в литературу.

Реально мы можем уже сказать только об одном произведении, это о повести А. Тофана «Дикий колхоз». Это первое произведение, написанное ударником, членом колхоза.

Важнейшим недостатком работы этой редакции с призывниками является кустарничество, отсутствие организованности и твердого планового начала.